

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ПУТЬ „КАРАВЕЛМЫ“

Фантастический рассказ

Чтобы попасть на Синее озеро, нужно пересечь поле гречихи и пройти рощу. На корабле в мирном содружестве обитали представители чуть не всей земной флоры — от сибирского кедрача до американской секвойи. Такая «широта диапазона» достигалась тем, что каждое растение отсека обитало в собственном микроклимате, который поддерживался скрытыми в почве системами.

Кок Либин шагал уверенно. Синее озеро было его люби-

мым уголком, и он ходил сюда каждый раз, как выдавалось свободное время.

Сейчас в оранжерейном отсеке только-только завязывалась осень. Листва деревьев умеренного пояса Земли начинала блекнуть, желтеть.

«Ночью прошла гроза. Возможно, последняя из летних гроз», — с легкой грустью подумал Либин.

Времена года в оранжерейном сменялись в той же неторопливой последовательности, что и на невообразимо далекой Земле. Поломать эту последовательность, впаянную в нейронную память климатической системы, было невозможно. Да никто и не хотел этого.

Оставалось сделать один поворот у кряжистого, раскидистого дуба, чтобы увидеть Синее озеро.

Кок замедлил шаг, поднял глаза и остановился, пораженный: дуб был срезан почти у самого основания. Кок обошел вокруг рухнувшего дерева, зачем-то сорвал желудь, внимательно осмотрел его. Затем опустился на корточки и потрогал пень, гладкий на ощупь, словно отполированный.

Как свалили дуб? Спилили? Но вокруг не было и следа опилок. И кто мог учинить это варварство? «Тобор!» — обожгла мысль. Для Тобора, конечно, свалить дуб было бы пустяком. Но зачем роботу это делать?

Рядом с пнем возвышался маленький дубок, выросший уже здесь, на корабле, во время полета.

Кок поднялся, отряхнул с коленей влажную землю. Кажется, встретиться ему сейчас Тобор — разорвал бы его в клочки.

— Разорвал бы в клочки! — вслух повторил Либин и усмехнулся. Это Тобора-то! Ведь истинного предела силы и выносливости робота, пожалуй, не знает никто: Тобор и в полете продолжает совершенствоваться и набирать мощь, как вот этот молодой дубок.

Еще в Зеленом городке, задолго до старта «Каравеллы», о Тоборе ходили легенды. Чего стоит случай, ставший хрестоматийным в робототехнике, когда Тобор едва не провалил заключительные испытания!

Много пришлось повозиться ученым Зеленого городка, чтобы устранить у Тобора неожиданно проявившееся явление, аналогичное человеческой усталости, добиться, чтобы его клетки, выращенные в камерах синтеза, работали бесперебойно, на манер хорошо отлаженного механизма.

В задумчивости кок спустился к озеру, остановился у воды. Галька на берегу была круглой, обкатанной осенними штормами.

Стайки серебристой плотвы резвились у его ног. Либин посмотрел в прозрачную глубину и заметил то, чего раньше не видел, — какое-то вздутие, похожее на пологий песчаный бугор.

Больше всего, однако, кока поразило то, что плотва, резвящаяся в воде, избегала подплывать к этому вздутию на дне, словно оно таило для рыбок неведомую опасность.

Либин вытащил из кармана пестрый шарик биосвязи. Оставалось сжать его в кулаке, назвать шифр и сообщить о странном бугре в отсеке аварийного контроля. Но Либин медлил.

И так он пользуется на корабле репутацией человека чрезмерно осторожного и мнительного. А если этот песок просто намыт волнами? А может, ничего необычного нет в поведении рыбешек?

Вот варварски загубленное дерево — дело другое! Тут, как говорится, факт налицо, и от этого не отвертеться. Пусть виновник отвечает!

Торопливо кок прошел к выходу из отсека. Люк за ним закрылся с глухим вздохом.

Прежде всего он решил заглянуть к астрономам. Выпить с Игуальдо и Ранчесом чашечку кофе, а заодно обсудить случившееся в оранжерее, прежде чем сделать это предметом всеобщего разговора.

Когда коку до обсерватории оставался пяток шагов, из-за угла коридорного отсека вынырнул Тобор. Он перемещался легко, как на учебном полигоне Зеленого городка.

— Тобор! — крикнул Либин, и эхо гулко прокатилось по коридорному отсеку.

Черная молния отделилась от пола и метнулась к коку, мягко опустившись на пружинящие щупальца.

— Доброе утро, Феликс, — сказал Тобор. — Почему ты не на Синем озере?

— Беда случилась, Тоб, — сказал Либин.

Робот неуловимо-быстрым движением приподнялся на передних щупальцах, сразу же став выше собеседника на добрых полтора метра.

— Беда?

— Скажи, ты был в оранжерейном отсеке?

— Я бываю там регулярно. Как и в прочих отсеках «Каравеллы», — сказал Тобор.

— Когда ты был там в последний раз?

— Вчера.

— И не заметил чего-либо необычного?

— Заметил.

Либин оживился.

— Что это было?

— Поваленное дерево. Я наткнулся на него случайно. Поднимался вдоль русла ручья. — Тобор говорил короткими, рублеными фразами.

— Что ты сделал с деревом?

— Убрал. Ствол перегородил ручей. Вода разлилась, и образовалась запруда. Я ликвидировал беспорядок: разделил ствол на куски, сбросил их в аннигилятор.

— И ты сообщил об этом?

— Сообщил.

— Неправда, — сказал кок. — Никуда ты ствол не убрал. Дуб валяется у озера.

— Я говорю про березу, что росла над ручьем, в восточном секторе отсека.

— Странно, очень странно... — пробормотал Либин, опустив голову. — А ты не обнаружил в поваленной березе ничего необычного?

— Необычное было...

— Излом?! — воскликнул кок.

— Излом, — подтвердил Тобор.
— Ровный?
— Как Евклидова плоскость.
— Ты и об этом доложил?
— Нет... не считал это существенным.
— Дуб и береза срезаны одинаково, — сказал Либин. —
Нужно подробно рассказать обо всем астробиологам. У меня
тоже есть для них кое-что. Пусть возьмут манипуляторы и про-
чешут весь оранжевый отсек.

* * *

По приказу капитана прочесыванием территории оранжевого отсека занялись все члены экипажа, свободные от дежурства.

К взволнованному рассказу Либина капитан отнесся весьма серьезно. Особый интерес вызвал рассказ о выпуклости на дне Синего озера, выпуклости, которой прежде не было и которой избегают чуткие рыбки.

Прочесывание оранжевого отсека, однако, мало что дало. Оба пня были на месте, и возле одного из них лежал дуб, протягивая узловатые ветви к прозрачной воде озера.

— Вот, вот это место! — повторял кок, волнуясь так, что на щеках его выступили красные пятна.

— А вы не ошиблись, Феликс? — поинтересовался старпом.

— Исключено! Совершенно исключено, Георгий Георгиевич! Я всегда здесь купаюсь и знаю это место.

Голенастые цапли-манипуляторы, повинувшись нетерпеливым командам поисковиков, исследовали обширный участок дна. Взбаламученный манипуляторами песок быстро оседал на дно.

Ничего!

— Не мог, никак не мог я ошибиться! — повторял кок.

— А если и ошиблись, то, слава богу, Феликс! — заключил капитан, когда последний манипулятор вылез из озера.

К песчаной кромке спустилась биолог Луговская, подошла к капитану.

— Докладываю результаты экспресс-анализа. Никаких следов микроорганизмов на срезах не обнаружено.

— Что скажете, Георгий Георгиевич? — спросил капитан у старпома.

— Думаю, все это серьезно, — ответил Суровцев. — Но пока мы действуем с завязанными глазами.

* * *

...После утренней проверки отсеков капитан задержался у пульта внутренней связи. Подумал и решительно объявил большой сбор. На экране замелькали знакомые лица. Руководители отсеков один за другим высказывали свои мнения по поводу происшедшего. Многие предположения выглядели дикими, фантастичными.

Капитан потер лоб. Коль скоро ни Тобор, ни корабельные манипуляторы не повинны в гибели старых деревьев, значит, остается одно: деревья срезал кто-то из членов экипажа.

Но кто? Зачем? Каким способом он это сделал?

К концу обсуждения космонавты во весь голос заговорили об этой версии.

— Друзья, да неужели вы это серьезно?.. — жалобно произнесла Луговская. — Бессмыслица ведь получается! Мы все на «Каравелле»... ну, не знаю... словно братья и сестры... Нельзя же в самом деле подозревать каждого!

— Можно, — сказал капитан. — Можно и должно, поскольку речь идет не о злом умысле...

— Возможно, человек совершил это с отключенным сознанием. Например, под влиянием гипноза, — добавил корабельный врач.

— Да кто же загипнотизировал его? — не сдавалась Луговская. — Не Тобор же, в самом деле!

— Гипнотическое действие могут оказать и мощные электромагнитные поля, в особенности резко меняющиеся во времени, — развивал свою мысль Логвиненко. — Возможны такие мигающие поля внутри корабля. Игуальдо? — обратился он к астрофизику.

— В принципе возможны, — оживился Игуальдо. — Они могли быть наведены, индуцированы бомбардировкой внешней обшивки корабля...

— Сказочки для детей! — сердито выкрикнула Луговская. — По кораблю разгуливают мощные электромагнитные поля, а приборы наших астрофизиков молчат?!

— Возможности земных приборов ограничены. Новый для них вид силовых полей они могут просто не зафиксировать.

Луговская шагнула вперед, и на какой-то миг ее стройная, чуть угловатая девичья фигура мелькнула во всю высоту переговорного экрана.

— Чепуха! — произнесла она с горячностью. — Когда мне говорят, что прибор не может зафиксировать исчезающе малую величину — это я еще могу понять. Но тут же речь идет об огромных силах, о колоссальных напряжениях! Я так поняла вас, Игуальдо?

— Такое может быть, Аля, — вмешался энергетик. — Если время воздействия силового поля чрезвычайно мало, это может оказаться за порогом чувствительности приборов.

Когда эмоции поутихли и спор угас, капитан обратился к Тобору:

— Смонтируй охрану отсека, в котором хранится лучевой инструмент.

— Есть, капитан!

— Чтобы и мышь туда не проскочила!

— На корабле нет мышей, — бесстрастно ответил робот.

После совета капитан направился в штурманскую рубку. Что-то его беспокоило. В штурманском отсеке все выглядело как обычно. Ровно мерцали щитовые панели. Весело перепрыгивали от одной логической ячейки к другой разноцветные огоньки, отчего счетно-решающее устройство казалось живым. Пол впитывал звуки шагов.

Старший штурман Валентин Степанович Орленко, запрокинув голову и прикрыв глаза, сидел в кресле.

Капитан остановился посреди отсека, посмотрел на навигационный пульт. Там горел зеленый огонек, означавший, что все в порядке: нос «Каравеллы» по-прежнему нацелен на невидимую точку эфира в созвездии Бета Лиры — цели полета корабля.

— Валентин Степанович! — негромко позвал капитан.

Штурман открыл глаза. Увидев капитана, смутился, хотел было вскочить, но вместо этого вдруг сладко потянулся.

— Автоматика держит курс. Происшествий никаких, — доложил он и поднялся, покачнувшись.

— Что с тобой?

Штурман провел рукой по лицу.

— Сам не пойму... — странная улыбка искривила его губы. — Сразу после совета оцепенение какое-то напало.

— А сейчас как?

— Все в порядке.

В одурманенной голове штурмана еще роились остатки видеоний — одно диковиннее другого. Никогда у него не было столь многокрасочных снов.

— Давно в последний раз были в оранжерейном отсеке, Валентин Степанович?

Штурман поблел.

— По... понимаю... — пробормотал он, заикаясь. — В последний раз я был там неделю назад. Ничего подозрительного не заметил. Могу поклясться, что находился, как это говорится, в здравом уме и твердой памяти...

* * *

«Каравелла» выполняла корректировку курса, как вдруг раздался вой аварийной сирены. Первым сориентировался Тобор, рывкнул в переговорное устройство:

— В камбузе включена энергоустановка!

Взбешенный капитан сжал биопередатчик так, что тот хрустнул.

— Либин! Почему аварийку включили?

— Потому что основная подача отключилась, — невозмутимо ответил кок.

У капитана голос перехватило.

— Вы что же, Феликс, — произнес он негромко, — не знаете разве, что аварийка включается, только когда грозит катастрофа?..

И тут кок ответил фразой, которая впоследствии прочно вошла в корабельный фольклор.

— А разве это не катастрофа, когда не на чем борщ сварить?

Но оказалось, что кока не ругать, а хвалить надо: он первый заметил аварию. Произошло это спустя несколько суток после загадочного происшествия в оранжерейном отсеке «Каравеллы».

Через минуту Тобор нашел место аварии: возле штурманского отсека был перерезан энергопровод.

Но перехватить нейтритовый кабель, к тому же снабженный

тройной изоляционной оболочкой, не так просто, как срезать дерево. Энергетик Володя Ольховатский с помощью Тобора быстро заменил поврежденный участок кабеля. Оставалось выяснить, почему не сработала аварийная система. Это оказалось нетрудным: она просто была отключена.

— Владимир Николаевич, у вас в отсеке имеется лучевой инструмент? — спросил капитан, когда энергетик доложил ему о случившемся.

Энергетик замялся. Некоторое время назад ему пришлось брать из подсобного отсека лучевой сшиватель. По инструкции он должен был сразу же вернуть сшиватель на место, однако не сделал этого.

— Имеется... — сказал Владимир.

— Какого действия?

— Веерного.

Все шло хорошо. Инструмент, который Володя оставил в энергоотсеке, оставлял при работе плоский срез...

— Больше повреждений в отсеке нет? — спросил капитан.

— Нет.

— Так... Пока нити тянутся к штурманскому... А как ваше самочувствие, Владимир Николаевич?

Энергетик пожал плечами, уже догадываясь, куда клонит капитан.

— Сходите-ка к врачу.

— Гипноз?..

— Да. Пусть обследует вас.

Врач вроде бы даже обрадовался пациенту.

— Проходи, проходи, голуба душа! — пропел он. — Вот сюда, сюда, на стульчик садись, — продолжал Дмитрий Анатольевич.

Едва Ольховатский сел, как со всех сторон к нему потянулись шупальца-датчики разного калибра.

— Зря, зря дуешься, голуба душа, — покачал головой врач. — Обижаться не надо... Не надо, голуба.

— Я не обижаюсь.

— Капитан отвечает за все, понимать нужно.

— Да гипноз-то при чем?

— А гипноз, доложу тебе, голуба душа Володя, штука препакудная. С помощью гипноза, то есть стороннего воздействия на волю и психику человека, можно заставить его сделать многое, очень многое...

— Допустим, — согласился Ольховатский, наблюдая, как Дмитрий Анатольевич набирает в шприц какую-то розоватую жидкость. — Но ведь я бы запомнил хоть что-нибудь.

— Ошибаешься, голуба, — покачал головой Логвиненко. — Гипнотизер может стереть из твоей памяти все, что ты делал в состоянии гипноза.

— Гм... Но, черт возьми, до гипноза-то я ведь должен был увидеть его, мерзавца, который меня загипнотизировал? — взорвался Володя. — До гипноза я же был в нормальном состоянии!

— Допустим.

— Почему же я его не запомнил?

— Спроси что-нибудь полегче.

Безвозвратно канули в прошлое беспечные дни, когда жизнь на корабле текла спокойно. Каждый день теперь ждали подвоя.

В бедах, свалившихся на «Каравеллу», начала просматриваться одна закономерность, которую первым угадал капитан: все несчастья, словно деревья в бурю, склонялись в одну сторону. И этой стороной был штурманский отсек.

Особняком стоял случай в оранжерее, с которого, собственно, и началось. Но это было то исключение, которое подтверждало правило. Что касается оранжерейного отсека, то в нем больше ничего неожиданного не происходило.

А на штурманский отсек неприятности посыпались, как из рога изобилия. Захворал штурман, и все его помощники, словно сговорившись, стали плохо себя чувствовать. То и дело разлаживалась следящая система, до сих пор работавшая безупречно.

А однажды выяснилось, что на координатной сетке двойная звезда Бета Лиры — цель полета — смещена.

Что или кто был повинен в этом смещении? Причин можно было надумать немало, но, когда много причин, это значит, что нет ни одной достоверной.

Штурманский отсек по приказу капитана был взят под усиленный контроль, и отныне вездесущего Тобора можно было встретить там чаще, чем в любой другой точке «Каравеллы».

Постоянными беспорядками в штурманском отсеке, конечно, больше всех был расстроен старший штурман Орленко. Но держался он стойко. У него, как и у энергетика, никаких следов гипнотического воздействия врачи не обнаружили...

Заглянув в кают-компанию, энергетик наткнулся на Георгия Георгиевича. Старпом сидел в кресле и думал о чем-то. Увидев Владимира, он кивнул ему, пригласил сесть, затем спросил с тревогой в голосе:

— Как у тебя в отсеке?

— Нормально.

— А вот со штурманским никак не наладим. Кстати, ты давно видел Валентина?

— Позавчера.

— Загляни к нему.

— А что? — встревожился Владимир.

— Знать бы что, — развел руками Георгий Георгиевич. — Очень мне не нравится его вид. Я чувствую: он что-то скрывает.

— Зайду непременно.

Владимир решил навестить Валентина сразу после вахты.

Он постучал и толкнул люк. Увидев Владимира, Валентин почему-то смутился. Неуклюже поднялся из-за стола и прикрыл какую-то вещь куском ватмана. Владимир сделал вид, что ничего не заметил.

— С дежурства? — спросил он.

— С дежурства.

— И я.

— Как у тебя там?

Он махнул рукой.

— И говорить неохота. Только и делаем, что возимся всем скопом, неполадки исправляем.

— Что-нибудь серьезное?

— Пока нет. Но все равно радости мало.

Валентин отвел взгляд в сторону.

— Сыграем? — предложил Володя. У них стало традицией — играть одну шахматную партию после каждого дежурства.

— Сегодня — нет. Нездоровится.

Во время разговора Валентин время от времени бросал украдкой нетерпеливые взгляды на лист ватмана. Казалось, он ждет, когда приятель уйдет, чтобы без помех продолжать прерванное занятие.

«Изобретает что-то, как всегда, — подумал Владимир. — Что же он таится, чужак? А впрочем, это его дело».

Они попрощались, и Ольховатский отправился к себе отдыхать.

Придя в свой отсек, Володя долго думал, что может означать странное поведение Валентина. Проницательный Суровцев прав: за этим что-то кроется.

Долго он ворочался в гамаке, пока его не сморил тяжелый сон...

...Это случилось накануне.

Старший штурман Валентин Орленко проснулся посреди ночи, словно от толчка. Когда глаза привыкли к темноте, он заметил на стене, прямо перед собой, пятно. Оно слабо светилось. Это был какой-то необычный свет. Во всяком случае, прежде такого штурману видеть не приходилось.

— Что за чепуха! — пробормотал Валентин и протер глаза. Пятно на стене не исчезло.

Он спрыгнул с гамака, подошел к стене. От непонятного волнения перехватило дыхание. Штурман осторожно дотронулся до пятна: это был упругий нарост.

Нечто постороннее проникло на корабль. Необходимо было срочно бить в набат.

Валентин сжал шарик биосвязи, но неведомая сила пронзила его, словно током, пальцы разжались, и шарик мягко скользнул на пол. Глухой стук привел его в себя.

Он бросился к выходному люку, но упругая волна отбросила его назад.

— Останься! — одновременно прозвучала в мозгу властная команда.

Усталость, которая донимала его все последнее время, исчезла, уступив место возбуждению.

Валентин попытался пальцами отодрать нарост. Когда это не удалось, включил наконечник свет и вооружился скальпелем. Через несколько минут у него на ладони лежал бесформенный комок какого-то светлого вещества. Тут же на глазах комок начал темнеть, пока не приобрел фиолетовый оттенок.

Бросив комок на стол, штурман поднес к нему счетчик Гейгера. Однако чуткий прибор молчал — вещество не было радиоактивным.

Валентин сел за стол и принялся внимательно рассматривать сызю находку. Фиолетовая масса в его руках вдруг превратилась в твердый ромбовидный кристалл, мерцающий синим пламенем. Он вертел его так и этак, рассматривал на свет, трогал острием скальпеля. Но острая сталь не оставляла на поверхности кристаллика ни малейшей царапины.

В бездонной глубине кристалла штурману вдруг почудились непрерывно меняющиеся, невиданные картины. Словно это была щель в иной, неведомый мир. Он различал какие-то пульсирующие жилки и разноцветные точки, сферы, переливающиеся всеми цветами радуги, подвижные фигурки, похожие на запятые...

Из глубины кристалла выплыла точка. Маленькая, еле заметная точка в невообразимой темно-фиолетовой глубине. Она быстро приближалась, вырастая в размерах. Скоро можно было уже различить ее контуры.

Это было очень сложное образование: шаровидные и эллипсоидальные отсеки, соединенные бесконечной паутиной переходов... Нос корабля, украшенный стреловидной ракетой — шлюпкой для высадки на новую планету... Зеркальная чаша — отражатель, из которого изливалась бесконечная река спящего пламени...

Стоп, да это же «Каравелла»! Валентин провел рукой по лицу. Конечно, «Каравелла»! Именно так выглядит она со стороны. Нечто, отдаленно напоминающее гроздь винограда, поставленную в плоскую чашу, из дна которой изливается пламя... Сколько раз наблюдал он общий вид корабля и на своем штурманском, и на капитанском обзорном экранах.

Но при чем здесь кристалл, чужеродное тело?!

Немедленно связаться с капитаном!

И снова дурманная волна удущья, словно тяжелой подушкой, ударила в лицо, руки безвольно ослабли, не дотянувшись до аппарата биосвязи, и вкрадчивый голос прозвучал в мозгу, парализуя, подавляя волю:

— Не связывайся ни с кем из экипажа... Не связывайся ни с кем... Они смогут помешать тебе в том, что ты обязан предпринять...

Корабль внутри кристалла начал таять, уменьшаться в размерах. Контуры его стали зыбкими, расплывчатыми, будто подернулись туманом. Река пламени превратилась в ручеек, затем в огненную ниточку, а потом и вовсе пропала.

Бросив случайный взгляд на часы, штурман ужаснулся: близился рассвет, а ему казалось, что он всматривался в кристалл всего несколько минут.

Брать кристалл с собой на дежурство штурман не стал, хотя ему и хотелось этого. Он аккуратно завернул свою находку в листок, вырванный из блокнота, и засунул пакетик в самый дальний угол ящика письменного стола.

Вернувшись с вахты, он кинулся к столу, вытащил пакет и развернул его — тот был пуст! Кристалл исчез.

Предчувствие беды охватило Валентина. Ему невыносимо хо-

телось рассказать обо всем происшедшем капитану, и в то же время прежняя властная парализующая сила удерживала его.

Штурман не думал теперь ни о том, откуда мог появиться на корабле загадочный кристалл, ни о том, чем объясняются его чудесные свойства. Ему хотелось только одно — найти кристалл и смотреть, смотреть в него, не отрываясь. Жгучая тайна, заключенная в нем, требовала властно своей разгадки.

Валентин сел к столу, выдвинул ящик и принялся перебирать всякую мелочь, которая всегда накапливается, когда человек долгие годы живет на одном месте. В исчезновении кристалла чудилась грозная, непредотвратимая беда...

Внезапно Валентин насторожился: ему показалось, что дно ящичка, которое было выложено серебристым пластиком, приобрело необычный зеленоватый оттенок. Он потыкал в дно скальпелем. Так и есть! Кристалл растекся по дну ящичка, приняв цвет и форму дна.

— Словно он спрятался от тех, кто мог бы заглянуть в отсек в мое отсутствие!.. — пробормотал Валентин, отковыривая тонкий слой вещества от дна. Он был тяжелым.

Этот полупрозрачный слой — Валентин вытащил его из ящичка и положил на стол — казался живым. Пластина медленно шевелилась, по ее поверхности пробегали волны.

Грядом на столе лежала горка вещей, небрежно и торопливо выложенных из ящичка: носовой платок, дневник с оторванным куском обложки, старинная платиновая ручка, подаренная ему ко дню рождения приятелем — корабельным энергетиком, постоянным шахматным партнером.

Валентин не отрываясь смотрел на пластинку, и угнетенное состояние, испытанное прошлой ночью, постепенно возвращалось к нему.

Между тем пластинка, медленно изгибаясь, начала миллиметр за миллиметром приближаться к кучке предметов. Вдруг, подскочив слегка, она коснулась авторучки. Послышался легкий треск, и ручка исчезла. Живая пластинка помутнела, но через несколько мгновений стала полупрозрачной, как прежде. Правда, структура ее несколько изменилась: посреди пластинки появилась тонкая разделительная линия...

«Подарок Вслоди... Что я ему скажу?» — мелькнула мысль, как будто это сейчас было главным.

Он потрогал пластинку, которая между тем начала стягиваться в комок. Она была чуть теплой.

Между тем комок начал быстро принимать знакомую Валентину форму ромбического кристалла. Грани его выравнились, глубина наливалась фиолетовой синью.

Воздух в отсеке стал густым и вязким. Валентин почувствовал необычную слабость. Случись аварийный вызов — он не смог бы и рукой пошевелить. Только глаза его жили, впитывая то необычное, что происходило внутри кристалла. Там жил по своим особым законам чужой мир, своеобразный, непонятно привлекательный. Как умещается он, однако, в таком ничтожном объеме?..

«В маленькое отверстие можно увидеть большой зал, — подумал Валентин. — Как знать, может быть, этот кристалл и есть щель в неведомый мир? Но что это был за мир?!» Радужные

шары прочерчивали пространство. Время от времени некоторые из них лопались, образуя солнца.

Штурманом овладело какое-то лихорадочное состояние. Остаточным усилием полупарализованной воли он оторвал взгляд от кристалла и стал думать, куда бы его понадежнее спрятать, чтобы ослабить довлеющую над ним чуждую волю. С трудом он отвел глаза немного в сторону.

Блуждающий взор штурмана наткнулся на массивный металлический футляр, стоявший на краю стола. Это было то, что нужно! Он сунул кристалл в футляр, захлопнул крышку. Затем вытер с лица обильный пот и без сил рухнул в гамак.

Он не знал, сколько времени провел в забытьи. Очнувшись, судорожно подался к футляру, будто ведомый чужой волей, вытащил кристалл — тот никак не изменился — и вновь впился взглядом в странные и бесконечно чужие картины, сменявшие друг друга там, в глубине. Показалось, что каюта наполнилась еле слышной удивительной музыкой, отдаленно напоминающей шум штормового моря. Аккорды набегали волнами.

Одновременно в голове Валентина стали вспыхивать вопросы, словно задаваемые кем-то со стороны. И он — так же мысленно — принужден был отвечать на них.

— Тебя именуют штурманом. Что означает этот термин? — звучал в мозгу голос.

— Я прокладываю курс корабля...

— Так мы и думали! — В голосе, звучавшем в его мозгу, Валентину почудилось удовлетворение.

Голос умолк.

Внутри кристалла забушевала огненная спираль, и штурман внезапно почувствовал себя выброшенным в открытый космос. Он летал вокруг «Каравеллы», подчиняясь чужой воле, не поймешь — доброй или враждебной. Сделал несколько витков, словно пушинка одуванчика, невесомый, а затем снова очутился в своем отсеке.

Самым тяжким было ходить среди своих, выполнять обычные обязанности старшего штурмана и не иметь возможности крикнуть во весь голос о том странном и страшном, что с ним происходит.

Чужая воля требовала, чтобы штурман изменил курс корабля. Изменил тайком, никому об этом не сообщая, чтобы остальные не смогли помешать ему в этом.

Прошло еще несколько дней, и штурман вдруг явственно почувствовал, что сходит с ума. А чем иначе объяснить, что он ощутил себя в двух точках одновременно?..

Вот он, штурман Валентин Орленко, стоит в своем рабочем отсеке перед сумматором и ловит непослушными, трясущимися от последних переживаний руками узкую пластиковую ленту с выкладками, которая серой змейкой выползает из дешифратора.

И в тот же самый миг, оставаясь в штурманском, Орленко ощутил себя столь же явственно в энергетическом отсеке.

Старшего энергетика Ольховатского в отсеке еще не было, но он должен был появиться с минуты на минуту. Его дублер

рисовал ежедневную диаграмму распределения энергии по отсекам «Каравеллы».

И пока тот, первый штурман, находящийся на своем рабочем месте, всматривался в узкую перфоленту, пытаясь разобраться в калейдоскопе цифр, обычно понятных с первого взгляда, штурман-2, серым комочком вещества медленно проплывал над самым полом энергетического отсека.

В рубку вошел Ольховатский.

— Владимир Николаевич! Я уж заждался! — воскликнул дублер и ушел.

Тем временем невзрачный комок серого вещества, с которым отождествляло себя сознание штурмана, перемещался в чаще энергопроводов — разнокалиберных кабелей, которые наподобие щупалец морского чудовища тянулись от главной энергетической установки корабля — «Катеноида» — в разные отсеки «Каравеллы».

— Этот энерговод куда ведет? — властно спрашивал, отдаваясь ломящей болью в висках, неслышимый голос. И штурман послушно отвечал — тоже, разумеется, мысленно:

— В оранжерейный.

— Этот?

— В астроотсек.

— Этот?

— В камбуз...

Владимир Николаевич продолжал заниматься пультом, ничего не подозревая.

— Этот? — отдалось в мозгу.

— В штурманский, — мысленно ответил Орленко.

Комок всколыхнулся и замер у толстого, покрытого мохнатой изоляцией кабеля.

Валентин почувствовал — сейчас произойдет страшное. Парализованный, безучастный, он с ужасом наблюдал, как комок пережег нить, ведущую к аварийной системе. Еще раз беззвучно полыхнуло пламя, почти невидимое в свете источающих дневное освещение панелей, и энерговод, ведущий в штурманский отсек, тоже оказался перерезанным.

Комок, скользя вдоль плитуса, медленно направился к люку, толкнул его и вылетел в коридорный отсек.

Ольховатский, который все еще занимался приборами, ничего не заметил.

* * *

Задержавшись, Ольховатский опоздал к обеду. Что-то борюча себе под нос, Либин быстро нажимал клавиши программного устройства. Его пальцы летали по разноцветной клавиатуре, как у опытного пианиста.

Владимир поздоровался. Кок буркнул что-то в ответ, не прерывая своего занятия.

— Покормишь?

— Да уж придется. А почему бы не придать к обеду время, как все порядочные люди?

— Так сложилось.

— «Сложилось, сложилось», — бурчал Либин. — Ты и Ва-

лентин — два сапога пара. Ты хоть не вовремя, но все-таки наведываешься, а приятель твой, похоже, великий пост празднует!

— А что?

— Вторые сутки не объявляется.

— Видно, ты не в духе сегодня, Либин, — сказал Ольховатский, беря ложку.

— А ты ненаблюдателен, старший энергетик. — Грустная улыбка тронула губы кока.

Только тут Ольховатский заметил, что перед ним пластмассовая тарелка.

— Все серебро исчезло, — сообщил кок, понизив голос. — Все ножи, вилки. И тарелки.

— Гм. Странно. Кто мог взять столько серебра без спроса?

— Да и зачем? — откликнулся кок.

После обеда Ольховатский зашел к Валентину. Тот явно был чем-то расстроен. На столе громоздилась беспорядочная груда вещей, вываленных, видимо, из стенового шкафа.

— Пропала одна вещь, — сказал грустно Валентин.

— Сегодня день пропаж! — воскликнул Ольховатский. — У Либина пропало столовое серебро!

— Пропало серебро... Это ужасно!.. Значит, он на свободе и действует!

Коротко и толково он рассказал товарищу обо всем, что происходило с ним в последние дни.

— Что же ты до сих пор молчал? — воскликнул Ольховатский. — Почему ничего не сказал капитану?

— Не мог, — выдавил Валентин. — Гипноз, что ли, это было, будь он неладен... А сейчас вроде удалось освободиться. Боюсь, ненадолго.

— Немедленно к капитану, — сказал Владимир и схватил Валентина за руку.

...Ровно в 17.15 низкий бас чрезвычайной сирены взбудоражил все отсеки «Каравеллы».

— ...Мы должны во что бы то ни стало найти и обезвредить этот комок, или пластинку, или кристалл, — заключил капитан свое короткое сообщение. — Возможно, именно с этим кристаллом связаны и неполадки в штурманском отсеке, и исчезновение серебра. Масштабы опасности неизвестны. Все силы нужно бросить на то, чтобы обнаружить неведомое вещество. О порядке действий сейчас сделает сообщение старпом. Есть вопросы?

— Разрешите? — прозвучал голос Ранчеса.

— Да, — кивнул капитан, взглядываясь в экраны видеофонной связи с отсеками, вмонтированные в головной пульт.

— Любые ли средства годятся для поимки кристалла? — спросил астрофизик, теребя острую бородку.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать: можно ли уничтожить кристалл, если возникнет такая необходимость?

— Нет, нельзя, — покачал головой капитан. — Мы не знаем, с чем имеем дело. Поэтому наша задача — разыскать кристалл и изолировать его. Есть еще вопросы? Вопросы не было.

Часть экипажа прочесала самый неудобный отсек — тот, в котором хранилось снаряжение, необходимое для высадки на новую планету: скафандры, манипуляторы, автотележки, лучевой инструмент и множество всякой всячины, без которой не обойтись.

Валентин трудился в поте лица. Бедняга чувствовал свою вину: сообщил он вовремя о кристалле — все могло быть иначе. Но теперь об этом сожалеть было поздно.

Космонавты тщательно перетряхивали каждый скафандр, проглядывая их на свет. Ведь кристалл, как они знали, «умел» принимать форму и цвет того предмета, на котором находился.

Устав, Владимир и Валентин, попавшие в одну поисковую группу, присели на платформу.

— Скажи, Володя, неужели для поиска нельзя использовать кибернетику? — спросил Валентин. — Зачем капитан со старпомом заставили весь экипаж шарить по кораблю? Ведь это немыслимая по объему работа!

— А как ты это представляешь себе — использовать кибернетику для поиска? — поинтересовался Владимир.

— Очень просто: запрограммировать каждый манипулятор — и пускай себе ищут! — Валентин говорил теперь посвободнее — видно, энергичные меры, предпринятые к нему судовым врачом, оказали свое действие.

— Не пойдет.

— Почему?

— Потому что это тот случай, когда кибернетика бессильна, — сказал Ольховатский. — Искомый объект изменчив. Он не имеет ни определенной формы, ни определенного цвета — вообще ничего определенного. Что же ты заложишь в программу поиска: найди то, не знаю что?

— Не совсем так, — возразил Валентин. — Кое-что о кристалле мы знаем. Все это и можно заложить в программу.

— А кристаллик между тем приобретает какие-нибудь новые свойства, и манипулятор его не обнаружит, доложит, что осмотренный отсек чист. Мы ему поверим... Представляешь, к чему это может привести?

Отдохнув, они снова принялись за поиски.

— Нашел! — воскликнул Валентин.

Все бросились к нему. Штурман стоял близ гофрированной стенки компьютера, впившись взглядом в какую-то точку на уровне его груди.

Он отделил кристалл от стенки. Все сгрудились вокруг штурмана. На его ладони лежала медленно изгибающаяся волнообразная пластинка. Не верилось, что этот безобидный слой серого вещества принес всем столько беспокойства.

...Это был нелегкий день для лаборатории структурного анализа. Необычное вещество не желало укладываться в рамки представлений ученых-землян. Рентгеновский анализ ничего не дал. Подвергать вещество воздействию сильных химических реактивов капитан запретил. А самое главное — неизвестно было, как хранить пластинку.

— А что, если поместить кристалл в аннигиляционный бак? — предложил Георгий Георгиевич.

— Прекрасная мысль! — согласился капитан. — Так и сделаем.

...Аннигиляционным баком называли резервуар для хранения антивещества, которое использовалось как топливо для двигателей «Каравеллы». Чтобы уберечь антивещество от соприкосновения с обычным веществом, что грозило бы катастрофой, оно хранилось в магнитном поле в подвешенном состоянии.

Все были уверены, что «убежать» из аннигиляционного бака невозможно.

Но недолго царил покой на «Каравелле»! Не прошло и суток, как вибрирующий бас чрезвычайки снова взбудоражил весь экипаж. Почти одновременно исчезли регулятор скорости и телескоп из шаровой обсерватории.

Неведомый противник, который отнюдь не оказался обезвреженным, протягивал теперь щупальца не только к штурманскому, но и к другим отсекам «Каравеллы».

Снова начались поиски... И тут, к своему ужасу, люди начали находить пластинки одну за другой. Они были в самых различных уголках корабля: в рубке управления, в обсерватории, в оранжерее, даже в отсеке для животных.

...А на обзорном экране день за днем вырастала Бета Лирь — двойная звезда, долгое время остававшаяся в высшей степени загадочной для земных астрофизиков. Было известно, что главная звезда системы — это гигантское тело, которое почти в три раза жарче солнца. Меньшая звезда была в три раза холоднее. Всю систему окутывал колоссальный газовый шлейф — его размеры превышали солнечную систему.

Какова природа этого шлейфа? Как возник он? А может, он искусственный, создан разумными существами? Все это экипажу космического корабля предстояло изучить.

Борясь с пластинками, космонавты постепенно изучили закономерности их поведения. Выяснилось, что они могут принимать практически любую форму и цвет. Охотнее всего они уничтожали изделия из серебра и вольфрама, а также детали из высокопрочных марок легированной стали. Изделия из более мягких металлов, например, золота, оставляли их равнодушными. Казалось, пластинки предпочитали «пробовать зубы» на твердых предметах.

Но пластинки ни разу не причинили существенного вреда никому из членов экипажа. Люди могли брать их в руки и свободно рассматривать.

Особенно наловчился разыскивать пластинки Тобор. Он находил их десятками. Но количество пластинок на корабле не уменьшалось...

Нервы людей стали сдавать. Подвижные пластинки мерещились теперь повсюду. Прежде чем сесть на стул, человек провонял несколько раз ладонью по сиденью: не притаилась ли и тут проклятая пластинка?

Повсюду то и дело продолжали исчезать металлические вещи и детали.

— Вот увидишь, они сожрут весь корабль, и нас вместе с ним, — сказал однажды Валентин.

...Похоже было, что больше всех страдал от пластинок Либин. Во всяком случае, кок жаловался шумнее всех. Основания жаловаться у него были: постепенно исчезла из камбуза почти вся металлическая посуда.

После исчезновения серебряного комплекта Либин спрятал остатки наиболее ценной посуды еще земного производства, ручной работы грузинских чеканщиков, в герметический корундовый шкаф, специально для этой цели выпрошенный у биологов.

В одно прекрасное утро Либин увидел в стенке шкафа дыру. Кок бросился к хранилищу, отпер дверцу. Дурное предчувствие не обмануло. Шкаф был пуст. Старинные граненые кубки, блюда из искусственного черного алмаза, остатки серебра — все исчезло.

— Ну, погоди у меня, дрянь, — пробормотал Либин, разъяренный сверх всякой меры.

Он распахнул дверцы шкафа и принялся за поиски «злоумышленника». Пластинка, впрочем, и не думала прятаться: она благодушно растеклась по внутренней стенке шкафа. Либин оторвал ее и с трудом поднял — настолько она была тяжела.

Разгневанный кок утратил дар речи и только кряхтел, пока тащил пластинку. Он принес ее в энергоотсек.

— Что скажешь? — спросил энергетик Ольховатский.

— А я так, на минутку, — деланно равнодушным тоном проговорил кок.

Когда Ольховатский отвернулся, Либин поместил пластинку под щиток «Катеноида» и направил на нее интенсивный пучок частиц, разогнанных до космических энергий...

В энергоотсеке грохнул взрыв. Одновременно на корабле завывала сирена. Люди ринулись к отсеку.

На полу, раскинув руки, лежал Либин. Он был без сознания.

— Феликс, — тихо позвал Георгий Георгиевич, опустившись на колени рядом с коком.

Логвиненко, запыхавшийся от быстрого бега, пощупал пульс, покачал головой и спорыми движениями принялся перевязывать обожженное лицо Либина.

Ольховатский подошел к «Катеноиду». Здесь дым был гуще. Часть установки была смята и покорежена. Толстая стальная стенка изогнулась, как лист бумаги. Он потрогал поверхность — она была не раскаленной, как он ожидал, а чуть тепловатой, и слабо светилась. Но это была не радиация — его счетчик молчал.

Забинтованного, как мумию, Феликса отправили в медотсек. Дым понемногу рассеивался. У «Катеноида» уже хлопотал Тобор, приводя его в порядок.

— Ты поседел, Володя?! — удивленно сказал Георгий Георгиевич, подойдя к Ольховатскому.

Тот машинально глянул в зеркальце, составляющее часть установки. На него смотрел совершенно седой парень. В растерянности он провел ладонью по волосам. Там, где Владимир провел ладонью, седины стало меньше. На руке остался серебристый налет.

С того момента, как произошел взрыв в энергетическом отсеке, пластинки словно бы объявили людям войну. Поведение их резко изменилось. Если раньше пластинку брали в руки, и она не приносила никому вреда, то теперь, коснувшись ее, человек получал сильный шоковый удар. Правда, многие переносят этот удар на ногах. Но некоторые теряли сознание. Так случилось с Георгием Георгиевичем, и его тоже пришлось отправить в медотсек.

В доброе старое время медотсек «Каравеллы» пустовал. Травмы у членов экипажа случались крайне редко, а болезнетворные вирусы на корабле не водились. Астрофизики шутили: «Наш медотсек — лучший образец полного вакуума».

Теперь почти все гамаки в медотсеке были заняты, а вскоре их стало не хватать, и пришлось с помощью Тобора втискивать дополнительные.

...На стук никто не отозвался, хотя зеленый ромб на входном люке светился — значит, хозяин находился дома.

Слегка встревоженный Дмитрий Анатольевич толкнул люк и вошел. Штурман, откинувшись, сидел в кресле и, казалось, дремал. Опытный врач, он, однако, сразу определил: дело неладно. Он подошел к Орленко. Тот был без сознания.

По собственной биосвязи врач связался с медотсекком и вызвал реанимационный манипулятор. Прошло несколько томительно долгих минут, пока торпедовидная конструкция влетела в открытый люк.

— Полегче, полегче, голуба душа, — пробормотал Дмитрий Анатольевич, обращаясь к машине, и отошел в сторону, чтобы манипулятор случайно не задел его.

Агрегат тотчас сориентировался и приблизился к Орленко, не дожидаясь команды врача. Панцирь аппарата раскрылся, словно бутон розы, и бесчисленные змеевидные датчики обвили тело штурмана, проникая сквозь одежду.

Дмитрий Анатольевич наблюдал за работой реаниматора, время от времени давая указания.

Валентин вздохнул и открыл глаза. Он что-то забормотал. Дмитрий Анатольевич прислушался.

— Оранжевый... аннигиляционный... астроотсек... камбуз... — бормотал штурман.

— Взля, что с тобой? — сказал врач и взял его за руку.

Штурман вздрогнул, умолк на полуслове. Глаза его забегали по комнате, приобретая все более осмысленное выражение.

— Это вы, Дмитрий Анатольевич? — спросил он слабым голосом.

— Я, я, голуба душа, — обрадованно ответил врач. — А кто же еще?

Манипулятор подался немного назад. Теперь главную роль играл не он, а врач.

— Я... у себя?

— А где же еще, голуба? Дома ты.

— Я только что здесь появился?

— Как это только что? — поднял брови Дмитрий Анатольевич. — Мы с ним, — кивнул он на манипулятор, — уже минул двадцать с тобой возимся.

— Неправда! — выкрикнул Валентин. — Зачем вы говорите неправду? Минуту назад меня не было здесь.

— Был, был ты здесь, голуба душа, — спокойно ответил Дмитрий Анатольевич: за свою долгую практику ему пришлось повидать всякое. — Где же тебе еще быть?

— Я... только что... был во всех отсеках «Каравеллы», — запинаясь проговорил штурман.

— В каких, в каких отсеках?

— Во всех сразу!

— Рассуди сам, голуба. Разве такое мыслимо?

— Говорю же — я был в них одновременно!

«Расщепление сознания. Типичная картина», — подумал Логвиненко и покачал головой.

Глаза штурмана блеснули. В них снова запыхал огонь недавно виденного.

— Я наблюдал все отсеки изнутри... одновременно... Они как бы накладывались друг на друга, но не мешались... И я смотрел на них, но как бы чужими глазами. Непонятно?

— Продолжай.

— Я был у астробиологов... Наблюдал Алю близко, как вас сейчас... Но странно — она показалась мне чужой, незнакомой. Как бы существом с другой планеты.

— А другие?

— И другие были чужими.

— Что скажешь, голуба? — обратился Дмитрий Анатольевич к манипулятору.

Машина безмолвствовала: в ее диагностической памяти подобных признаков болезни не значилось.

Врач прошелся по комнате.

— Ну а что же ты делал там, во всех отсеках... одновременно?

— Меня интересовало... как работа каждого отсека влияет на курс «Каравеллы» Но, понимаете, Дмитрий Анатольевич, это интересовало не меня, а кого-то другого, который смотрел на окружающее моими глазами.

— Значит, ты видел все отсеки одновременно? — задумчиво спросил врач.

— Не только отсеки.

— Что же еще?

Рассказ штурмана врач выслушал с величайшим вниманием, а манипулятор по его знаку записал сбивчивую речь Орленко на магнитную пленку.

...Два солнца, два нестерпимо ярких солнца плыли по нездешнему небосводу. Алое и зеленое.

Штурман стоял посреди слабо всхолмленной равнины. Горячий ветер доносил неведомые запахи.

Одно солнце плыло в зенит, другое склонялось к горизонту. Зеленый и алый свет смешивались в разных пропорциях, и окружающие предметы ежеминутно меняли свою окраску.

...Он огляделся. Вдали темнела рошица, состоящая из странных вытянутых, угловато изогнутых предметов, то ли растений, то ли каких-то конструкций.

Штурман решил пройти к роще. Она оказалась гораздо дальше, чем представлялось на первый взгляд.

Алое светило наполовину село. Зато зеленое вошло в силу и окрасило окрестный мир на свой манер.

Случайно бросив взгляд под ноги, штурман опешил: он, оказывается, не шагал, а как бы плыл над поверхностью. Именно плыл: ступня приближалась к почве до определенного предела, не опускаясь, однако, ниже трех-четырёх сантиметров.

— Ну и дела! — сказал он.

Остановился, попробовал притопнуть, но зазор между ногой и почвой не уменьшился.

Что за чертовщина! Может, силовое поле?

Валентин опустился на колени, попробовал взять щепотку грунта, но не смог: рука скользила по невидимой преграде, вроде бы податливо-упругой, но непреодолимой.

После нескольких неудачных попыток штурман выпрямился.

«Дойду до роши. Может, смогу до растений дотронуться».

Ему очень хотелось хоть немножко познать мир, в который он попал.

Странной показалась эта роща, облитая нестерпимым зеленоватым сиянием. Она совершенно не давала тени. На ветках не было ни единого листка. Голые сучья тянулись к раскаленному небу, словно моля о помощи.

Постоял, огляделся.

Стволы во всех направлениях были изрезаны глубокими трещинами. Что-то знакомое было в них. Ему вдруг показалось, что подобные извивы он видел в альбоме, посвященном Музею истории письменности народов Земли.

Шевелятся трещины или это голова кружится?

Валентин протянул руку к ближайшему стволу, и снова в нескольких сантиметрах от коры пальцы наткнулись на невидимую преграду.

В этот момент морщины на соседнем стволе дрогнули и явно-ственно изменили рисунок. «Словно надпись на экране видео», — успел подумать Валентин. Между тем темп изменения рисунка на стволе все более убыстрялся.

Красное солнце успело скрыться, и в мире безраздельно воцарился зеленый свет.

Вверху послышался шум. Штурман поднял голову. Высоко над ним кружила стая странных созданий. Птицы, не птицы? Если птицы, то где их крылья? Внешне создания были похожи на капли, на небольшие воздушные торпеды.

Стая этих странных образований приблизилась к роще, закружила хороводом вокруг деревьев. Быстрее, быстрее, еще

быстрее! В ритме вращения сонмища каплеь знаки на коре стали изменяться все быстрее. Теперь штурман мог бы поклясться, что эти знаки, за которыми он еле поспевал следить, напоминают ему цифры и математические символы, которыми пользуются земляне.

Внезапно с одной из веток сорвалась молния. Жало ее было нацелено в стремительно пролетающую мимо каплю. Валентин вскрикнул: ему показалось, что комочек живой плоти будет сейчас убит, испепелен, повержен наземь. Но нет! Несмотря на то, что острое молнии угодило точно в каплю, та, как ни в чем не бывало, продолжала кружиться вокруг дерева.

С других ветвей стали срываться точно такие молнии, каждая ударила в пролетающую каплю, и ни одна из них не погибла...

Штурман умолк.

— А потом? — спросил врач.

— А потом я потерял сознание, — сказал Валентин. — И очнулся только благодаря вам.

— Ты пока успокойся, голуба душа, — сказал Дмитрий Анатольевич. — В твоем положении волноваться крайне вредно. А воображение у тебя живое.

* * *

Медотсек был переполнен. Для раненых и обожженных пришлось использовать часть оранжерейного отсека. Заполнена была и кабина капитана.

С некоторых пор людей больше беспокоила даже не борьба с пластинками, а еще одна напасть, поселившаяся на «Каравелле». Время от времени то один, то другой член экипажа погружался в сон. Правда, Дмитрий Анатольевич считал, что это не сон, а какое-то особое состояние, когда человек вроде бодрствует, но не может и пальцем пошевелить.

В первое время человек, в котором поселялся «сон», еще ходил, работал, но движения его становились все более медленными, неуверенными, а речь — сбивчивой и невнятной. Голос начинал звучать глуше, память слабела, и, наконец, человек засыпал.

Только Тобор держался молодцом — пластинки ничего не могли с ним поделать. «Уж не представляю, что бы мы делали, — подумал однажды Дмитрий Анатольевич, — если бы робот не координировал и не направлял в единое русло усилия нашего ослабленного экипажа».

Первым вышел целиком из строя штурманский отсек. Рубка буквально кишела пластинками, и ее по приказу капитана заклинили.

Однако все двигатели «Каравеллы» еще до этого печального события экипажу удалось вывести на полную мощность, и корабль шел, не рыская и не меняя курса.

После штурманского пластинки стали проявлять особый интерес к аннигиляционному отсеку. Чем это грозило «Каравелле», понимал каждый: взрыв уничтожил бы корабль.

Зря люди запирали пластинки в баки для антивещества: они

легко выбирались из баков. С некоторых пор пластинки начали даже стремиться проникнуть к аннигиляторам. Почему? Понять это люди не могли.

Наступил час, когда на огромной «Каравелле» из бодрствующих осталось только пятеро: Суровцев, Логвиненко, Луговская, Ольховатский и Либин.

Когда они собирались в огромной и казавшейся теперь такой пустынной кают-компании, то чаще всего слушали Логвиненко. Он снова и снова рассказывал о последних видениях штурмана, которые предшествовали его засыпанию.

Эти видения обсуждались и раньше, всем экипажем, но объяснить их никто не мог.

Два светила — это двойная Бета Лиры, как авторитетно подтверждали астрофизики. И это, как заметил Суровцев, — единственное, что было ясно. Все остальное ставило в тупик, давая пищу разного рода догадкам и предположениям. Возможно, штурман мысленно — с помощью «магического кристалла», способного проецировать образы на мозг, — попал на планету двух солнц. Почему же он не мог коснуться ни почвы планеты, ни единого предмета на ней?

Что означала странная роща, лишенная листьев, и летающие над нею живые существа либо аппараты? И какой смысл заключен в молниях, которые не убивают, касаясь тех, кто летает?

Если во всем этом заключается предостережение или угроза, то в чем она состоит?

Теперь «Каравелла» напоминала пустыню. Замкнутую пустыню, с огромной скоростью летящую навстречу неизвестности.

Капитан сражался с недугом до последнего. Уже не будучи в силах шевельнуть пальцем, утратив способность говорить, он сумел еще в течение четырех суток управлять кораблем.

Кто следующий?..

Как-то вечером, чувствуя себя хуже, чем обычно, Ольховатский вздумал заглянуть в информаторий.

Усевшись с томиком в кресло, энергетик с ужасом почувствовал, как руки и ноги наливаются свинцом. Он понял, что не избежал участи большинства. Вот и ответ на вопрос: кто следующий? Да, это было то самое состояние оцепенения, страшное своей неразгаданностью.

Перед его внутренним взором начали проплывать отрывочные картины.

...Ольховатский медленно опускался на слабо всхолмленную равнину, судя по описанию, ту самую, где побывал Валентин. Он плыл над ней высоко, так высоко, что в двухцветном зелено-алом небе мог различать звезды. Одна из них светилась ярче других. Какой-то предмет стремительно приближался, догоняя его. Вскоре уже можно было различить правильные формы предмета. Это явно было творение отнюдь не человеческих рук. По всей вероятности, космический корабль, принадлежавший внеземной цивилизации. Необычные формы корабля равномерно светились, потому и принял Ольховатский его сначала за звезду. Он не понимал, как корабль движется:

корма не была снабжена ионными дюзами и фотонным отражателем, как «Каравелла», и за кораблем не тянулся огненный шлейф длиной в тысячи километров.

Владимир посмотрел вниз: равнина под ним оживала. Ожила и безлиственная роща, которую он сразу узнал по описанию Валентина. Отлично видел он и каплеобразные существа, вившиеся над изогнутыми ветвями, из которых непрерывно били струйки пламени.

Между тем корабль приблизился настолько, что Владимир мог явственно различить его детали. Лобовая поверхность корабля пульсировала. Ольховатский думал о чужом корабле, как о живом существе, — именно таким показался ему корабль в то мгновение.

Из кормы между тем выдвинулись четыре суставчатых присоска, от которых сходство корабля с живым существом еще более увеличилось.

Присоски коснулись почвы... И тут же взрыв адской силы потряс окрестность. Всепожирающее пламя скрыло и корабль и рощу.

Ольховатскому, корабельному энергетика, был знаком характер этого пламени. Так могут взрываться только вещество и антивещество, когда они, соединяясь, аннигилируют.

Тобор, осторожно перебирая щупальцами, переходил из отсека в отсек и всюду видел одно и то же — членов экипажа, пораженных «сонной болезнью». Они застывали в разных позах, так, как настигал их обморочный сон. Общим у всех было только одно — широко, словно в изумлении раскрытые невидящие глаза, устремленные в одну точку.

Дмитрия Анатольевича сон застиг в медицинском отсеке, когда он делал обход пострадавших, которые уснули еще раньше. Врач уснул, свалившись на койку, в которой неподвижно застыл Георгий Георгиевич. Могучие кулаки старпома были сжаты, словно он до последнего мгновения сражался с неведомым врагом. Логвиненко нагнулся, чтобы послушать его сердце, да так и застыл...

Тобор оглядел весь отсек, убедился, что никто из людей не подает признаков жизни, и двинулся дальше. Перед тем, как выйти, он подоткнул край одеяла, свисавшего с гамака Суровцева.

Некоторых людей сон настиг в пути, между отсеками, в коридорных переходах, на бегущих лентах. Таких Тобор доставлял в ближайшие отсеки.

Автоматика на корабле работала как обычно: бежали ленты, вспыхивали и гасли панели, в урочное время день сменялся ночью и ночь — рассветом. В оранжевой отсеке по-прежнему неторопливо сменялись времена года.

Зрелище движущихся лент, на которых находились неподвижные человеческие фигуры, застывшие в самых различных позах, было тягостным. Но не было человеческих глаз, которые могли бы наблюдать это зрелище. И в этом сонном царстве живыми оставались только установки, без устали сновавшие манипуляторы да еще Тобор, который один теперь отвечал за «Каравеллу».

Тобор прошел в шаровую обсерваторию. Прильнул к окуляру и долго смотрел в телескоп, нацеленный на двойную Бету Лиры.

Обвив щупальцами трубу телескопа, он смотрел в него не отрываясь. Два солнца, два разноцветных солнца — зеленое и алое — совершали извечный свой путь, вращаясь вокруг общего центра тяжести. Если сигналы, полученные из этой системы, искусственного происхождения, то где-то там должна быть и планета — обиталище разумных существ. Но какое отношение могут иметь к ним загадочные пластинки, заполонившие корабль и наделавшие столько бед?

Одиноко бродя по кораблю, белковый вдруг подумал: «Жаль, я лишен чувства усталости. Хорошо бы забыться хотя бы на короткий срок». Мысль была новой и непривычной. Ему припомнилась речь Акима Ксенофонтовича на внеземном космодроме, перед стартом «Каравеллы». Старый академик говорил о беспредельности познания, о цепочке человеческих поколений, которая не рвется, хотя эйнштейновский эффект времени может разбросать людей одного поколения и на сто, и на двести, и на тысячу лет...

Сколько столетий назад умер Аким Ксенофонтович? Сколько столетий протекло уже на далекой Земле? Сколько столетий еще протечет, пока «Каравелла» вернется? Да и вернется ли?..

Внезапно корабль дернулся. Одновременно прогремел взрыв, и тут же завывала аварийная сирена. От неожиданности Тобор вздрогнул. И это тоже было то новое, что появилось у него в последние дни — никогда прежде Тобор не вздрагивал.

Мозг белкового заработал особенно четко, как и всегда в минуту смертельной опасности.

Впереди возникло черное пятно: это был провал, испещренный ключими точками. Звезды! Коридорный отсек переломился на двое, и половина его исчезла.

Воздух из коридорного отсека мигом улетучился. Легчайшие белые хлопья, образовавшиеся от сконденсированных паров, гирляндами осели на стенах. В пролом хлынул космический холод.

Корабль качнулся, и Тобор едва не вылетел в открытое пространство. Он вовремя успел ухватиться щупальцем за штангу, опоясывающую коридорный отсек, — она была рассчитана на полет в условиях невесомости.

...К безвоздушному пространству и низкой температуре Тобору было не привывать.

Осторожно и цепко перебирая щупальцами вдоль штанги, робот приблизился к образовавшемуся пролому и выглянул наружу. От взрыва рваные края обшивки обуглились, почернели.

...«Каравелла» переломилась в самом узком месте, там, где хранились контейнеры с антивеществом. По прикидке Тобора, это было вызвано тем, что пластинки сумели проникнуть в эти контейнеры и тем самым вызвали реакцию аннигиляции.

Отломившаяся половина корабля, вместе с умолкшими двигателями, уплывала вперед, повинувшись импульсу, полученному от аннигиляционной вспышки.

Догнать уплывающую половину корабля, чтобы состыковаться с ней, Тобор был бессилён — все маневровые дюзы находились на оторвавшейся части «Каравеллы».

Расстояние между обеими половинами корабля медленно увеличивалось.

Тобор понимал, что решение нужно принимать сразу — для раздумий времени не оставалось.

И тут роботу по единственно необходимой в этот критический момент ассоциации вспомнилось давнее-давнее... Эта вспышка памяти была подготовлена всей предыдущей работой его мысли. Перед внутренним взором высветилась картина испытательного полигона Зеленого городка, заключительный цикл решающих испытаний и его отчаянный прыжок через вулкан, на дне которого клокотала огнедышащая лава. Именно тогда, в экстремальных условиях, Тобор прыгнул со вспомогательным грузом, хотя этому его не учил никто из воспитателей. Он зажал в щупальцах два увесистых обломка базальтовой скалы, повинувшись острому, как проблеск молнии, прозрению: недаром ведь по настоянию Акима Ксенофоновича его напичкали всевозможной информацией о прыжках всех выдающихся легкоатлетов, начиная с легендарных времен первых древнегреческих Олимпиад!..

Воспоминание отхлынуло. Робот огляделся. Теперь он знал, как нужно действовать.

Тобор подскочил к отсеку, где хранилось снаряжение для высадки на новую планету, и мощным рывком отворил задраенный люк. Из отсека со свистом вырвался еще сохранившийся там воздух. Робот вихрем влетел в отсек. Дело решали теперь мгновения. Вытащил из контейнера моток стального троса, испробовал его на разрыв и отбросил в сторону: сталь могла не выдержать необходимого напряжения. Он шарил глазами, включил инфразор и все локаторы, но никак не мог обнаружить того, что ему требовалось. После поисков первых пластинок и последующих баталий с ними все в отсеке было перевернуто вверх дном. А потом уж было не до того, чтобы навести здесь, на складе, хотя бы относительный порядок.

Наконец Тобор нашел то, что искал — бухту нейтритового троса. Он легко выкатил катушку четырехметрового диаметра в накренившийся коридор и поспешил к зияющему вдали пролому. По пути остановился и двумя рывками вырвал из-под толка два тяжелых металлических куба — климатические установки «Каравеллы». Грани куба представляли собой густую решетку, из которой еще вырывалось теплое дыхание: установки честно, из последних сил старались восстановить в коридорном отсеке температуру и влажность, необходимые для поддержания жизнедеятельности людей.

Едва смолкли двигатели, на изувеченном корабле воцарилась невесомость, и Тобор включил магнитные присоски. Он подкатил к пролому гигантскую катушку, освободил конец троса и тщательно принайтовил его к одной из конструкций, выгнувшихся во время взрыва. Затем вернулся к двум оставленным кубам, пяясь и разматывая за собой трос. На переднее щупальце надел катушку и проверил, свободно ли она вращается.

В два свободных щупальца Тобор взял по кубу. Необходимо как можно точнее рассчитать прыжок — от этого зависит все. До пролома сорок метров — дистанция, для разбега достаточная.

Робот разбежался и, резко оттолкнувшись от краев пролома,

вылетел в открытое пространство. Далеко впереди мерцала перед ним отколовшаяся часть корабля. Третью неба закрывало гигантское блюдце фотонного отражателя. Еще не успевшее остыть от недавнего огня, оно напомнило Тобору кроваво-красный диск земного солнца в тот момент, когда оно готово нырнуть за горизонт.

Позади тянулся трос. К счастью, катушка разматывалась легко. Сейчас, согласно расчету траектории, он обогнет блюдце и опустится на корабельную обшивку... Роль гравитационного теперь играло силовое поле «Каравеллы».

Отколовшаяся часть корабля приближалась. В нужный момент Тобор завел щупальца с грузом вперед и затем с силой отшвырнул прочь оба куба, точь-в-точь так, как это делали прыгуны на древнегреческих Олимпиадах.

Последний десяток метров... И тут Тобор с чувством, которое на человеческом языке именуется ужасом, понял, что до корабельной обшивки ему не дотянуть. Его мозг тут же установил и причину этого: в спешке делая прикидку траектории, он забыл вычесть массу троса, который, разматываясь, остается позади. Теперь ему за отражатель не залететь, не обогнуть его... И тут, не раздумывая, Тобор вытянулся струной во всю длину и ухватился передним щупальцем за раскаленный край отражателя.

Мгновенная боль затопила сознание: Тобор обладал обостренным болевым ощущением — без этого его конструкторы не смогли бы наладить обратную связь в нейронах робота.

Последним усилием воли Тобор оторвал наполовину сгоревшее щупальце и двинулся, ковыляя, прочь от пышущей огнем чаши по выпуклой обшивке корабля. Остается найти место, к которому можно прикрепить нейтритовый трос, а потом уж заняться собой...

Лишь через сутки Тобору удалось кое-как состыковать разошедшиеся при взрыве части «Каравеллы». Затем он залатал проем — заварил швы, срезав и выбросив изуродованные края обшивки.

Включил оставшиеся климатизаторы, и через несколько часов атмосфера в коридорных отсеках восстановилась.

Корабль по инерции продолжал приближаться к Бете Лире.

Бродя по безжизненному кораблю, Тобор вдруг с ужасающей ясностью понял, что такое одиночество.

Он снова и снова обходил отсеки, вглядываясь в знакомые лица людей, с которыми так тесно сжился. Многие из них выросли и возмужали на его глазах. Теперь они были неподвижны, как мумии.

Однажды он сумел выследить пластинку, поразившую его размерами. Следуя за ней, белковый достиг штурманского отсека. Орленко лежал в гамаке, опущенный туда манипулятором еще до взрыва. А на полу расположились нацеленные на него пластинки. Их было так много, что, казалось, по полу все время пробегают волны. Аля находилась поодаль. Взрыв вытряхнул ее из кресла, и теперь она стояла, чудом зацепившись за штангу невесомости.

Через некоторое время ему показалось, что от пластинок

исходит какая-то вибрация. Из каждой струился еле уловимый луч, и все они сходились на штурмане. Робот решил было, что пластинки задумали испепелить Валентина, но тут ему почудилось, что штурман пошевелился. Он удвоил внимание. Сомнений нет! Щеки штурмана порозовели, он двинул рукой, повернул голову.

— Что с «Каравеллой»? — шепотом спросил штурман и откинул голову: сил не было, однако сознание оставалось ясным. Тобор коротко обрисовал ситуацию.

— Все эти дни я не спал, — продолжал штурман. — Я обменивался с ними мыслеграммами, — указал он на пластинки. — Ты говоришь, дюзы не действуют?

— Да, в результате взрыва.

— Значит, мы не погубим их мир... — облегченно прошептал Валентин.

— О чем ты, штурман?

— погоди! — нетерпеливо отмахнулся Орленко. — Сообщил сначала скорость корабля, курс и расстояние до цели.

Робот выложил нужные цифры, и штурман, закрыв глаза, несколько минут занимался вычислениями.

— «Каравелла» не упадет на планету двух солнц, — сказал он. — Она станет ее спутником.

— И я так считаю, — мгновенно откликнулся Тобор.

...Цивилизация на планете двух солнц возникла в незапамятные времена. Жители планеты приспособились к нестационарным, с точки зрения землян, условиям, порождаемым двумя светилами. Им помог могучий союзник, имя которому — Эволюция. Та же благодетельница подарила им на некоем этапе и великолепную способность перемещаться в пространстве без крыльев и прочих приспособлений, управляя гравитационными волнами. И никто до поры до времени не подозревал, какой страшной особенностью обладает и эта планета, и все сущее на ней, и оба солнца, и окрестный мир...

Эту особенность раскрыл им чужой корабль, прилетевший из космоса. Раскрыл дорогой ценой...

Едва в небесной бездне телескопы инопланетян обнаружили летящий к ним корабль, началась подготовка к его встрече. Его ждали с нетерпением. Еще бы! Ведь это был первый гость из космоса, о котором прежде говорили лишь немногие. Вся планета готовилась встретить неведомых собратьев по разуму. Механические помощники непрерывно кружились над главной рощей счетных машин, с их помощью подсчитывая параметры траектории чужого корабля — на случай, если у того возникнут трудности при посадке.

Другие механические помощники подготовили площадку для посадки гостя из космоса.

Но едва корма чужого корабля коснулась поверхности планеты, случилось ужасное и непостижимое, то, о чем потом среди уцелевших в течение тысячелетий слагались ужасные легенды. Полыхнул взрыв невиданной силы. Пламя, взметнувшееся на месте посадки корабля, поглотило и корабль, и значительную часть планеты.

Мир цивилизации был соткан из антивещества...

После трагедии, унесшей миллиарды жизней, руководство планеты двух солнц приняло решение — соорудить искусственных «вестников» и разослать их во все концы, дабы они патрулировали в открытом космосе, пронизывая пространство в поисках чужих кораблей. Эти «вестники» решено было сконструировать из обычного вещества: ученые чужой планеты установили, что их мир — досадное исключение из общего правила, и большинство миров во вселенной состоит из вещества обычного, а значит, и корабли, которые смогут к ним снова залететь, будут, вероятнее всего, состоять из обычного вещества.

Равномерно рассеиваясь в пространстве, эти «вестники»-пластинки, летали до тех пор, пока не встречали чужой корабль. Достаточно было, чтобы на корабль попала хотя бы одна такая пластинка. «Питаясь» веществом, имевшимся на корабле, она «размножалась» с помощью готовой матрицы и воспроизводила себе подобных.

Задача у пластинок была одна — объяснить существам на корабле положение дел и доказать, что садиться на планету нельзя... Пластинки, в сущности, были примитивны по устройству, потому они едва и не погубили «Каравеллу».

Прежде всего они приняли за счетные машины, помогающие прокладывать курс корабля... обычные деревья, произрастающие в оранжевой отсеке.

Затем, убедившись в своей ошибке, пластинки сумели из всех членов экипажа выделить штурмана, на которого прежде всего нужно было воздействовать. Но воздействие оказалось малоэффективным.

Убедившись, что штурман их разъяснений не понимает, пластинки сменили тактику. Чтобы предотвратить катастрофу, которая при посадке «Каравеллы» на их планету была бы неминуемой, они решили взорвать в аннигиляционном отсеке один контейнер с антивеществом и тем самым прервать бег корабля. Другого пути они не видели. Людей же, которые могли помешать выполнению их замысла, они решили просто усыпить с помощью направленного гипнотического излучения.

После нескольких неудачных попыток штурман сумел подняться с места и, пошатываясь, подошел к Але.

Вокруг нее стояло несколько пластинок, устремив на голову девушки тонкие как нити лучи. Через несколько минут девушка пришла в сознание.

